

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ 1812 г. НА РАБОТАХ: ТЕНДЕНЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В 2010 г. исполнилось 36 лет с момента выхода статьи уже покойного ныне профессора В.Г. Сироткина «Судьба французских солдат в России после 1812 г.», положившей начало новому этапу изучения вопроса о военнопленных Великой армии, который до того оставался вне сферы интересов советской историографии¹. Главным предметом рассмотрения ученого стали попытки, предпринимавшиеся российским правительством использовать пленных в экономике страны как в ходе войны, так и после заключения мира. Однако, несмотря на то что с тех пор изучение вопроса о пребывании пленнх в России в целом продвинулось далеко вперед, многие сюжеты, касающиеся привлечения пленнх к различным работам, остаются пока недостаточно изученными. Мы постараемся отчасти восполнить этот пробел.

Как известно, 9 декабря 1812 г. Комитет финансов представил императору свои соображения по «отращению казенных издержек» на содержание пленнх и доставлению им самим «более удобностей жизни». Журнал Комитета - секретного совещательного органа - был утвержден царем в Меречи 29 декабря, приобретя таким образом силу закона. Решениями Комитета была заложена основа практики использования пленнх в экономике страны. В первом пункте речь шла об обращении пленнх поляков на укомплектование полков на Кавказе и в Грузии, и даже на Сибирской линии. Но далее Комитет финансов предлагал пленнх, «среди которых находится великое множество художников, мастеровых и работников, которые с пользою могут быть употреблены на фабриках и заводах» определять на промышленные предприятия (как казенные, так и частные) по их желанию, причем с такой же оплатой, какая производится русским рабочим и мастеровым соответствующих специальностей. По мнению членов Комитета, пленные на это «конечно с охотой согласятся», «предпочитая выгоднейшую для них жизнь неволе и недостаткам военнопленнх». Бывшим земледельцам, оказавшимся затем в рядах Великой армии, предлагалось поселиться в России среди колонистов в Саратовской и Екатеринославской губерниях - сначала они должны были зарабатывать себе на жизнь в «домах поселенцев», а потом могли и сами получить участки земли для заселения, однако без всякой денежной ссуды. И лишь остальные пленные, которые «по привычке ли к солдатской жизни или по неспособности к трудам другого рода» не определятся ни к какой профессии, могли быть «употреблены для их содержания на многообразные работы в Москве и других городах при исправлении и перестройках разрушеннх домов»ⁱⁱ. Таким образом, предложенные решения носили в первую очередь фискальный характер и должны были сократить расходы на пленнх. Ведь количество пленнх, которых должна была содержать Россия, вполне сравнимо с численностью ее собственных регулярных войск, участвовавших, например, в Бородинском сраженииⁱⁱⁱ.

Основой для решения Комитета финансов, очевидно, послужило мнение министра финансов Д.А. Гурьева о содержании военнопленнх, которое датировано в публикации П.И. Щукина декабрем 1812 г. В преамбуле к документу Гурьев пишет, что «содержание пленнх, которых число ест ли и не простиралось более 100 тысяч человек, потребует по самому умеренному положению до 4 миллионов рублей в год». Далее министр излагает все те меры относительно пленнх, которые сформулированы в журнале Комитета финансов (в этой части оба документа почти полностью текстуально совпадают). «Сими или сему подобными распоряжениями, - резюмировал Гурьев, - не только сократятся издержки казны на содержание бесполезных людей и сами они приобретут себе выгоднейшую жизнь, но заменится несколько и убыль работников, ополчениями и наборами отнятых от нужнх обществу трудов»^{iv}.

Вместе с тем важно, что использование пленнх в промышленности и сельском хозяйстве предполагалось на добровольных началах как со стороны самих бывших солдат Наполеона, так и со стороны хозяев и управляющих предприятиями. Попытка привлечением квалифицированной рабочей силы и носителей специальных профессиональных знаний способствовать хозяйственному развитию страны весьма характерна для экономической политики александровского царствования - времени активного привлечения иностранных

колонистов, покровительства отечественной промышленности как с помощью протекционистского таможенного тарифа, так и путем распространения специальных знаний при стремлении не стеснять частную предприимчивость «излишним надзором и сложностью правил». Политика эта связана в первую очередь с именем министра внутренних дел О.П. Козодавлева^v.

Однако приписывать исключительно ему авторство вышеуказанной программы экономического использования пленных неверно. Козодавлев не был членом Комитета финансов, и под его журналом стоят подписи Н.И. Салтыкова, С.К. Вязмитинова, Д.А. Гурьева и А. А. Аракчеева^{vi}.

Впрочем, шаги в направлении использования труда пленных Козодавлев, несомненно, предпринимались. Как говорилось в его записке, рассматривавшейся на заседаниях Комитета министров 9 и 19 сентября 1813 г., еще в 1812 г. императору «угодно было изъявить ему изустно свою высочайшую волю относительно употребления пленных на фабриках». Тогда же министр внутренних дел сносился с управляющим Министерством полиции и главнокомандующим в Петербурге Вязмитиновым, «но дело сие остановилось за справками о числе и местопребывании таковых военнопленных»^{vii}. В циркулярном предписании от 10 декабря 1812 г, т. е. на следующий день после заседания Комитета финансов, но еще до утверждения его журнала императором, Вязмитинов, ссылаясь на высочайшую волю, требовал от губернаторов не отправлять в дальние губернии пленных, знающих суконное мастерство, и сообщать сведения о них в Петербург^{viii}. Известно, что развитию отечественной суконной промышленности и привлечению в нее иностранных специалистов Козодавлев уделял особое внимание^{ix} и, очевидно, лоббировал соответствующее решение относительно пленных. Вполне возможно, члены Комитета финансов, которые являлись коллегами Козодавлева по Комитету министров, вели с ним какие-то консультации по этому поводу или использовали его идеи. Однако в условиях кризиса конца 1812 г. задачи у Комитета финансов были совершенно иные - он стремился в первую очередь к сокращению казенных издержек.

Вместе с тем последний пункт журнала - об использовании труда тех пленных, которые не согласятся добровольно работать в промышленности и сельском хозяйстве - отражает совершенно другую тенденцию. Практика принудительного использования пленных на тяжелых неквалифицированных работах была традиционна для ХУШ-ХГХ вв. Так поступали и со шведами в Северную и последующие войны, и с турками, например в 1828-1829 гг. О добровольности тут речь уже не шла.

На основании журнала Комитета финансов 14 января 1813 г. Вязмитиновым было издано соответствующее циркулярное предписание губернаторам. Правда, в качестве органа, утвердившего программу сокращения казенных расходов на пленных, в нем фигурировал Комитет министров, но эта замена была обусловлена негласным характером Комитета финансов. В циркуляре был детально прописан и механизм исполнения утвержденных царем мер, которое возлагалось на губернаторов. Руководители губерний должны были выяснить, сколько пленных и каких специальностей желают поступить на российские предприятия, а затем предложить хозяевам фабрик и заводов своей и соседних губерний принять их на работу. Об отправленных таким образом в разные «заведения» пленных следовало доносить в Министерство полиции. Туда же нужно было губернаторам сообщать и о том, какое число бывших солдат Великой армии «согласятся обратить себя в поселян», не приступая, однако, к их отсылке до особого предписания. Использовать же прочих пленных на «предначертанные в положении работы» губернаторы могли по своему усмотрению, также подробно донося как о характере работ, так и о размере платы за них^x.

Впрочем, некоторые ведомства сами активно искали квалифицированную рабочую силу среди пленных. Так, министр финансов сообщил Вязмитинову, что подчиненный ему Департамент горных и соляных дел имеет нужду в пленных, которые имеют опыт работы на горных заводах и рудниках, знают столярное, плотничье, кузнечное или механическое ремесло, а также во всех, «кои были взяты из герцогства Бергского». Глава финансового ведомства просил предложить пленным за работы в Петербурге плату от 15 до 30 руб. в месяц, а на заводах Уральского хребта - от 24 до 150 руб. в год с выдачей сверх того провианта по указной цене. Как видим, о привлечении высококвалифицированных кадров в экономику страны пекся не только Козодавлев, но и Гурьев. В связи с этим 7 февраля 1813 г. Вязмитинов предписал губернаторам, выбрав указанных людей, предложить им условия

работы и донести в Министерство полиции, не приступая до особого повеления к их отправке

^{xi}.

Реализация намеченной программы привлечения пленных к работам на горные заводы сколь-нибудь существенных результатов не дала, хотя власти и прилагали усилия к ее реализации. Так, 25 февраля 1813 г. вятский гражданский губернатор сообщил Воткинской заводской конторе, что во вверенной ему и в Пермской губерниях есть «художники, мастеровые и работники» из пленных. Представив их списки, губернатор запросил контору, нужны ли они на подчиненных ей заводах^{xii}. Согласно спискам, в Вятской губернии было 53 пленных, владеющих разными ремеслами, причем 48 из них находились в Слободском, двое в Уржуме и трое в Глазове. В списке по Пермской губернии значилось еще 43 человека. Правда, к горному делу имел отношение только один пленный - рудоплавщик, оказавшийся в Пермской губернии. Среди прочих пленных самую большую группу (23 человека) составляли конюхи и специалисты «для разных домашних услуг», плотников и столяров было 10 человек, сапожников и специалистов по обработке кож 10 человек, ткачей и специалистов по сукноделию 9 человек, слесарей, токарей и других мастеров по обработке металла 8, портных 6, садовников 4, мельников, мясников и булочников 7 человек и т.д.^{xiii} Рассмотрев отношение вятского губернатора, Воткинская контора сообщила, что в ее распоряжении имеется достаточно своих ремесленников и мастеровых и военнопленные ей не нужны^{xiv}. Вскоре после этого, 8 марта, вятский губернатор сообщил конторе о получении списка пленных «мастеровых и художников» из Вологодской губернии. На этот раз реакция была иной - контора заявила, что некоторые из них были бы при заводах «не лишними» и попросила 22 марта разрешения у горного начальника Гороблагодатских и Камсковоткинских заводов принять на работу столяра, сапожника, портного, каменщика, слесаря, бритвенного мастера, штукатура, кирпичного мастера, игольника, маляра, кожевника и печника^{xv}. В итоге Департамент горных и соляных дел, проанализировав присланные списки специалистов, 25 апреля 1813 г. признал, что ряд из них на Воткинских и Гороблагодатских заводах могут быть употреблены «с пользою», составил соответствующий перечень и предписал заводским конторам, чтобы они требовали по нему необходимые им кадры. Об этом решении было сообщено и пермскому берг-инспектору Томилову. В перечень, составленный в департаменте, попали плотники, кирпичные мастера, игольник, кузнецы, слесаря, столяры, токарь седельник, гранильщик, печники, штукатур, медник, рудоплавильщик и каменщики (всего 34 человека)^{xvi}.

Вместе с тем пермский бергинспектор потребовал от пермского губернатора направить на казенные Гороблагодатские заводы нескольких мастеровых. Губернатор запросил санкции Вязмитинова, которая была получена 8 июля 1813 г. с условием, чтобы на работы не определялись поляки (их уделом была Сибирь), а также пруссаки, австрийцы и подданные Ангальт-Дессауского и Мекленбург-Шверинского герцогств, которым предстояло скорое возвращение на родину. В итоге 11 августа партия из 16 пленных мастеровых была передана унтер-офицеру горной штатной команды для транспортировки их к месту работы (еще двое пленных мастеровых, предназначенных к отправке, были задержаны по болезни)^{xvii}. Но как сообщил пермскому губернатору бергинспектор Томилов, при осмотре плотник Блез Пари и слесарь Мишель Нарбут сказали унтер-офицеру, что своих ремесел не знают. Остальные 14 человек также заявили, что за время военной службы они утратили навыки своих мирных профессий, «как военнопленные работать в заводах не хотят и идти за препровождением военной команды не соглашаются». В итоге бергинспектор вынужден был вернуть пленников в ведомство губернатора, который предписал отправить их на городские работы в Кунгур. Причиной такого решения, с одной стороны, было отсутствие работ в Перми, а с другой - опасение, чтобы отказавшиеся от поступления на заводы бывшие мастеровые «не могли возродить подобной непокорности и ослушания в прочих находящихся здесь пленных». Обо всем этом пермский губернатор 14 августа сообщил главнокомандующему в Санкт-Петербурге^{xviii}. Как явствует из рапорта пермского берг-инспектора в Департамент горных и соляных дел от 9 сентября, никаких других мастеровых из пленных, кроме упомянутых 16 отказников, в Пермской губернии не имелось. В Вятской же губернии «по произведенным выправкам» из требуемых в Воткинский завод мастеровых оказались лишь в Уржуме три каменщика и один печник, которых и было предписано отправить в заводскую контору^{xix}.

Двое из каменщиков были французами - Леш и Пасхаль, а третий итальянец Амброзио, итальянцем был и печник Салля. Впрочем, и их привлечь к развитию российской промышленности не удалось. Во исполнение предписания вятского гражданского губернатора от 23 августа эти пленные были 1 сентября отправлены в Воткинскую заводскую контору^{xx}. 8 сентября контора приказала принять помянутых пленных под присмотр полиции, «отвести им приличные квартиры и иметь за поведением их и родом жизни наблюдение». Затем бывшим солдатам Наполеона следовало объявить о времени, которое они должны проводить на работе, внести в списки и производить «обыкновенное жалование по мастерствам сим», т.е. по 2 рубля в месяц и «по два пуда провианта». Кроме того, контора предписала проверить наличие на пленных казенной одежды, согласно ведомости присланной уржумским городничим^{xxi}. Согласно этой ведомости, Салля имел казенный армяк, шапку, Леш - панталоны и шапку и, помимо этого, на всех были казенные рубашки^{xxii}. Сообщение уржумскому городничему о благополучном прибытии на Воткинский завод четверки пленных датировано 6 октября^{xxiii}. Однако быстро выяснилось, что Амброзио никакого ремесла не знает, а остальные трое, хотя и начали работать, но жалованием были недовольны, ведь оно было действительно ненамного больше содержания тех пленных, которые не работая, получали по 5 коп. в день (1 руб. 50 коп. в месяц), причем им полагался провиант и одежда. На два же рубля в месяц ввиду дороговизны продовольствовать себя, да и еще купить одежду, в которой терпели крайнюю нужду, прибывшие на завод пленники не могли. Это признала и Воткинская заводская контора, сочтя, что в сложившихся обстоятельствах заставлять пленников работать на заводе можно только «с крайним затруднением». В итоге контора на заседании 13 октября решила предложить пермскому бергинспектору отправить пленных обратно в Уржум (или в другой город) и через неделю обратилась к нему с соответствующей бумагой^{xxiv}. Хотя назначенное пленным содержание и соответствовало минимальной норме (24 руб. в год и провиант), установленной министром финансов и сообщенной губернаторам в циркулярном предписании Вязмитинова от 7 февраля, об этом документе Воткинская контора, по всей видимости, не знала - ведь он позволял увеличить норму денежного содержания для привлеченных на заводы пленных до 150 руб. Заводская же администрация исходила из норм оплаты, установленных для российских мастеров.

29 октября бергинспектор запросил санкцию на отправку пленных с завода у вятского гражданского губернатора и сделал Воткинской заводской конторе выговор за то, что она вытребовала этих пленных через Департамент горных и соляных дел самовольно без санкции главной конторы Гороблагодатских заводов (что не вполне соответствовало действительности) и таким образом лишь «умножила письмопроизводство к напрасному затруднению». Томилов полагал, что от таких людей, как военнопленные, пользы для горных заводов ожидать было тщетно^{xxv}. Вятский губернатор, рассмотрев представление бергинспектора, просил объявить военнопленным, что в случае увольнения с завода одежды они не получают, поскольку на основании предписания Вязмитинова и положения Комитета министров повторная выдача одежды разрешалась только тем пленным, которые по состоянию здоровья были не в силах производить никакой работы, а все трудоспособные должны были зарабатывать на одежду и обувь сами. И только в случае, если и после этого предупреждения пленники откажутся работать на заводе, губернатор разрешал отправить их в Сарапул. Обо всем этом Томилов сообщил в Воткинскую контору 14 декабря^{xxvi}.

А 13 декабря 1813 г. главная контора Гороблагодатских заводов сообщила Воткинской заводской конторе со ссылкой на отношение пермского гражданского губернатора о нормах оплаты труда пленных, установленных министром финансов^{xxvii}. Однако о реакции заводской администрации на получение этого документа сведений нет. Зато известно, что 22 декабря, выслушав губернаторское предупреждение, все четверо пленных отказались оставаться на заводе и пожелали быть отправленными в Сарапул^{xxviii}. В тот же день заводская контора приняла решение о выплате им содержания по 1 января 1814 г. и отправке в указанный город, что и было в итоге исполнено^{xxix}. Какова была судьба большинства пленных, анонсированных губернаторами в качестве потенциальных работников на российских предприятиях, также неизвестно. По всей вероятности, они тоже отказались под разными предлогами поступать на российские предприятия.

Очевидно, что одной из причин краха плана привлечь военнопленных к работам на горных заводах стала несогласованность действия российской бюрократической машины, ибо

своевременно довести до непосредственных исполнителей сформулированные в Петербурге законодательные нормы не удалось. Другой причиной неудачи было нарушение на местах принципа добровольности в использовании труда пленных. В переписке губернаторов и горнозаводского начальства об этом нет ни слова. О том, желают ли они поступить на заводы, судя по имеющимся документам, пленных никто не спрашивал. Привычка российских властей распоряжаться несвободной рабочей силой была автоматически перенесена и на пленных. Об экономическом стимулировании их труда местные власти не задумывались. Хотя справедливости ради следует сказать, что за пленными было оставлено право по прибытии на место отказаться от работ.

По мере успехов русского оружия становилось понятно, что пленные вскоре отправятся на родину. Более того, процесс репатриации некоторых категорий пленных стартовал уже начале 1813 г. Однако часть пленных решила остаться в России, поэтому ставка тех, кто желал и далее использовать бывших солдат Великой армии в экономике России, была сделана именно на этих «невозвращенцев». С лета 1813 г. вопросы о присяге на подданство России и об использовании бывших пленных в экономике оказались неразрывно сплетены.

Первый императорский указ от 4 июля, в самой общей форме санкционирующий прием пленных в российское подданство, был объявлен губернаторам именно министром внутренних дел. Согласно ему, приводить к присяге на местах разрешалось лишь нижних чинов, о желающих же вступить в подданство офицерах следовало доносить в Министерство полиции. Губернским властям также надлежало следить за тем, чтобы этим не «могли воспользоваться иногда люди вредные или подозрительные»^{xxx}. В тот же день на основании указа было издано соответствующее циркулярное предписание и Вязмитиновым^{xxxi}. В его же предписании от 5 августа новым подданным из пленных запрещался въезд в обе столицы, а также говорилось и о 9-месячном сроке, в течение которого после присяги они должны были избрать род жизни^{xxxii}.

В предписании управляющего Министерством полиции от 19 августа 1813 г. о правилах для приема в подданство губернаторам вменялось в обязанность доставлять среди прочего сведения о предполагаемом роде занятий новых подданных. Они должны были тем из присягнувших пленных, «которые объявят о мастерстве своем в каком-либо роде мануфактуры или знании в горном или рудокопном деле» сообщать о местонахождении соответствующих частных и казенных фабрик и заводов, приглашая добровольно поступить на них^{xxxiii}.

На заседаниях Комитета министров 9 и 19 сентября 1813 г. рассматривался целый комплекс вопросов о военнопленных, оставшихся в России, и их использовании в экономике страны. Основой обсуждения послужили записка министра внутренних дел О.П. Козодавлева и две записки С. К. Вязмитинова.

Как упоминалось, о привлечении пленных на русские фабрики и заводы Козодавлев ставил вопрос еще в 1812 г. Летом 1813 г., находясь в Риге (в марте-июле он был командирован в Ревель, Ригу и Митаву для осмотра частей МВД, а также остзейских фабрик^{xxxiv}), он получил через Аракчеева высочайшее повеление о «разрешении рижского военного губернатора относительно донесения его о некоторых пленных, изъявивших желание остаться в России и особенно знающих какое-нибудь ремесло». Козодавлев тут же запросил мнение по этому вопросу самого рижского военного губернатора маркиза Ф.О. Паулуччи.

Маркиз сообщил, что в Риге находится лишь столько пленных, сколько необходимо для крепостных работ, но что из нескольких тысяч бывших солдат Наполеона, проводившихся через Ригу, многие просили власти об оставлении их в России, что и побудило его обратиться к императору. Составляя донесение Александру I, Паулуччи мыслил масштабно, он имел «в виду не одних военнопленных, состоящих во вверенных ему губерниях, где по близости границы оных кроме назначенных для крепостных работ, вовсе не находится, но вообще всех пленных, размещаемых по всему пространству России». Козодавлев, основываясь на данном ему императорском повелении, позволил маркизу объявлять всем пленным, желающим остаться в России, чтобы они обращались по этому вопросу «к местным начальникам губерний»^{xxxv}. Сам же министр внутренних дел планировал по возвращении в столицу урегулировать данный вопрос с Вязмитиновым. Паулуччи со своей стороны также проявил инициативу и представил Козодавлеву пространное мнение, в котором сформулировал свое видение проблемы. Маркиз констатировал как желательность увеличения населения России в принципе, так и пользу переселения ремесленников не только по соображениям

экономической выгоды, но и по их нравственности, «которая редко бывает развращена в людях, занятых видимою работою». Тем не менее желающие остаться в России должны были «подтвердить свое благонамерение» присягой в вечном подданстве.

По мнению Паулуччи, ремесленников следовало преимущественно распределять на казенные фабрики и заводы, не препятствуя, впрочем, и частным людям брать их к себе под расписку и «на ответственность», пока, заработав некоторый капитал, бывшие пленники смогут вступить в цех или записаться в мещане. Кроме того, их предполагалось на 10 лет со дня вступления в подданство освободить от рекрутской повинности. На ответственность и под расписку «самых благодетельных людей» можно было, по мнению рижского военного губернатора, сдавать на тех же условиях и пленных, которые не знают никакого ремесла.

Вместе с тем Паулуччи проявил и своеобразный служебный эгоизм, предлагая не предоставлять в течение 1813 г. возможность поступления на фабрики, заводы и к частным лицам пленным, занятым на крепостных работах, чтобы «не делать остановки в оных» в связи с нехваткой вольных работников. Впрочем, крепостные начальники могли, оставив в своем ведении нужных им работников и ремесленников, отправить прочих по их желанию в старорусские губернии, не считая уже оставшихся в крепостях и присягнувших пленными, при этом по назначению руководителей работ прибавляя им плату и предоставляя «соразмерные трудам их и поведению выгоды». Для не решившихся присягнуть ремесленников, не занятых на крепостных работах, тоже оставалась возможность поступить под расписку к кому-либо из заводчиков или помещиков, если бы они, конечно, на то согласились. Расчет делался на то, что «познав опытом благоденствие, которым пользуются российские подданные», пленники, «может быть, пожелают сделаться оными» и уж, во всяком случае, облегчат казенные расходы и «будут употреблены с пользою».

Одновременно Паулуччи, учитывая требования безопасности государства, полагал, что бывшие пленные в течение 10 лет не могли находиться ни под каким предлогом в польских и Курляндской губерниях, как наиболее близких к границам, а также в обеих столицах и в азиатских крепостях. Азиатские крепости, видимо, упомянуты не случайно, поскольку маркиз с 1810 г. служил на Кавказе, а в 1811-1812 гг. даже был главнокомандующим в Грузии. Вместе с тем желающих вступить в военную службу он предлагал зачислять лишь в полки, находящиеся в азиатских пределах, имея, очевидно, в виду, что бывшие пленные могли изменить преимущественно в войне с европейскими противниками.

Практическое исполнение перечисленных мер возлагалось на губернаторов. Руководители старорусских губерний должны были сами принимать у пленных присягу, размещать их на казенные предприятия или отдавать под расписку частным лицам. Руководителям же тех губерний, где жительство пленным воспрещалось, вменялось в обязанность приняв у желающих присягу, отправлять их в старорусские губернии по выбору самих новых подданных. Вплоть до определения пленных на предприятия или «в частные дома» они оставались на содержании казны. Все начальники крепостей и губерний должны были предоставлять о принятых в подданство подробную отчетность с указанием специальности, а также предприятий или частных лиц, к которым они определены^{xxxvi}.

Таким образом, многие концептуальные нормы будущего положения Комитета министров были сформулированы именно Паулуччи, а отнюдь не Козодавцевым. Козодавцев направил проект Паулуччи через Аракчеева царю, снабдив его некоторыми комментариями. Он предлагал раздавать пленных в первую очередь частным лицам, причем плата и содержание им должны были производиться на основании условий, заключаемых под надзором местного начальства, что, по-видимому, мыслилось как гарантия от злоупотреблений. Оставшихся после распределения частным лицам и на частные фабрики присягнувших пленных следовало размещать на аналогичных условиях по казенным предприятиям. Приоритетное право в получении новых трудовых ресурсов для частных предприятий и лиц обуславливалось принципиальной позицией министра, который в соответствии с европейской практикой и теоретическими сочинениями, полагал, что частные фабрики приносят казне больше прибыли. Одновременно во избежание иллюзии, будто бывшие пленные отдаются в крепостную зависимость, он считал нужным записывать их в мещане, освобождая на некоторое время (например, на 10 лет) от всех повинностей и податей. Все это позволило бы, по мнению Козодавцева, сократив издержки казны, привлечь в экономику квалифицированные кадры. Однако министр считал, что присяга на подданство должна быть обязательным условием поступления пленных на российские предприятия или к

частным лицам, отвергнув, таким образом, идею Паулуччи о возможности отложить поступление в российское подданство на некоторое время.

Кроме того, Козодавлев особо оговорил, что пленных можно размещать в Эстляндской и Лифляндской губерниях, поскольку они уже более 100 лет находятся в составе России. Кроме проекта Паулуччи и замечаний на него, министр внутренних дел одновременно направил царю и свой собственный проект правил приема пленных в российское подданство. В этот проект вошли пункты об обязательности присяги, о приоритетности предоставления трудовых ресурсов частным предприятиям и лицам, о необходимости заключать контракты с бывшими пленными под надзором властей, о приписке их в мещане с освобождением от податей на 10 лет, «яко новых подданных, не имеющих еще оседлости и собственности». Закрытыми для пленных оказывались губернии бывшей Польши, а также Курляндия и Финляндия. Те, кто знал ремесла, но не мог в силу их специфики употребляться на фабриках (садовники, портные, сапожники и т. п.), имели право остаться в городах мастерами, приписавшись к мещанству или поступить на контрактных условиях в наем к частным лицам. И наконец, губернское начальство должно было представлять подробные отчеты в МВД.

Таким образом, проект Козодавлева существенно отличался от предложений Паулуччи: вводился приоритет частных предпринимателей перед казенными заводами и фабриками, не учитывались особые интересы военного ведомства, строившего крепости, исчез пункт о поступлении на военную службу, сфера действия проекта сократилась, поскольку правила распространялись только на присягнувших, был скорректирован список закрытых для бывших пленных губерний, наконец, социальный статус самих этих лиц должен был определиться сразу после присяги (в проекте Паулуччи вопрос о сословной принадлежности будущих подданных просто не рассматривался)^{xxxvii}.

Император «апробовал» в целом проект Козодавлева, повелев, однако, представить его на рассмотрение Комитета министров^{xxxviii}. В связи с обсуждением в Комитете Вязмитинов напомнил и все предыдущие распоряжения по данному вопросу^{xxxix}. Рассматривая проект, Комитет отметил, что поскольку новые подданные имеют право на все преимущества, предоставленные российским подданным вообще, то определять принявших присягу пленных на предприятия без их собственного согласия не следует, и предложил свой вариант правил, в котором были учтены как принятые ранее нормы, так и высказанные в процессе обсуждения соображения. Военнопленным, желающим вступить в подданство России, по принятии присяги предоставлялось право проживания во всех губерниях, кроме приобретенных от бывшей Польши, Курляндии, Финляндии, Бессарабии, Белостокской и Тарнопольской областей, а также обеих столиц. Срок, в который после присяги пленные должны были избрать себе род жизни, сокращался с девяти месяцев до двух, причем особо оговаривалось, что данная норма обратной силы не имеет. Не избравшие в указанный срок рода жизни считались вредными, подозрительными и с ними следовало поступать как с бродягами. Тем из присягнувших, кто знал ремесло или хотел работать на фабриках, предоставлялась возможность «по их добровольному желанию, без малейшего принуждения» определиться на частные и казенные предприятия «по взаимному с содержателями и управляющими согласию и условию». Во избежание недоразумений по незнанию пленные языка и российских законов, такие условия должны были заключаться под надзором местного начальства. Присягнувших пленных ремесленников следовало записывать в мещане с освобождением на 10 лет от всех податей и повинностей. Те из поступивших в российское подданство пленных, которые в силу специфики их профессий не могли найти себе места на предприятиях - сапожники, портные, садовники и прочие, - могли после приписки к мещанству оставаться в городах мастерами или определяться по найму к частным лицам. Подробные данные обо всех присягнувших местные губернские начальства должны были сообщать в МВД^{xl}.

Таким образом, в целом был принят проект Козодавлева. Однако важное отличие состояло в том, что министр внутренних дел судьбу пленных, которые не имели ремесла и не желали работать на фабриках, даже не рассматривал, хотя и не отвергал их права остаться в России. Итоговый же документ был более сбалансированным, содержащаяся в нем обобщенная формулировка предполагала лишь выбор новыми подданными «рода жизни или состояния», и в этом отношении он ближе к проекту Паулуччи, прямо разрешавшему оставаться в России и людям, не владеющим никакой профессией.

Итоговый проект поддержали все присутствовавшие члены Комитета, кроме обер-прокурора Синода князя А.Н. Голицына, который заявил, что в подданство следует

принимать только ремесленников и мастеровых, поскольку «не знающие ремесла не принесут государству пользы»^{xli}.

В целом же проект эволюционировал в сторону большей степени защиты прав и интересов новых подданных и большей определенности их сословного статуса. Кроме того, из проекта исчезли статьи, отражавшие ведомственные интересы Военного министерства, заинтересованного в рабочих руках для строительства крепостей, а также МВД, стремившегося к приоритетному развитию частного предпринимательства, что членам Комитета министров казалось, видимо, слишком радикальным. Список запрещенных для жительства пленных мест также лишь расширился.

Правила, утвержденные Комитетом министров, были направлены с предписаниями Вязмитинова от 4 ноября (в котором также подтверждалась необходимость исполнения норм предписания 19 августа) и Козодавлева от 7 ноября^{xlii}.

Одновременно с маневрами властей, направленными на привлечение в экономику России квалифицированных кадров из пленных Великой армии, оказавшиеся на содержании российского правительства бывшие солдаты армии Наполеона использовались в принудительном порядке и на неквалифицированных строительных работах. Особые усилия предпринимали в этом направлении ведомство путей сообщения и Военное министерство.

Вопрос о завершении военно-строительных работ в Нарве беспокоил российские власти еще летом 1812 г. Так, 16 августа Комитет министров согласился с предложением М. И. Кутузова в связи с нехваткой рабочих рук привлечь для этого мастеровых из Петербургской и Эстляндской губерний. Соответствующие предписания должен был сделать С. К. Вязмитинов^{xliii}. Тем не менее 13 сентября нарвский комендант сообщил в рапорте Вязмитинову, что поскольку работы в крепости «назначены в весьма значащем количестве» и их объем постоянно увеличивается, то в условиях недостатка рабочих рук и «краткости удобного к работам времени», да еще и при дождливой погоде, выполнить их «с желаемым успехом» невозможно. Однако уже следующий его рапорт от 20 сентября был не столь пессимистичен. Оптимизма коменданту придала информация, полученная от гражданского губернатора, согласно которой по высочайшему повелению военнопленных, не пожелавших вступить в российско-германский легион (вероятно, речь идет о тех, кто сначала согласился, был отправлен к местам его формирования, а затем отказался), следует употребить в Нарве на крепостные работы. Таких пленных, по данным губернатора, было 139 человек. Комендант считал, что если добавить к ним еще и российских рабочих, то «можно ожидать скорого окончания предназначенных работ». По его оценкам, в Нарве ежедневно требовалось до 400 человек с плотничьим и шанцевым инструментом и до 35 конных подвод для перевозки материалов. Рассмотрев, по представлению Вязмитинова, оба эти рапорта, Комитет министров 11 октября решил передать их в Военное министерство для выяснения, «не возможно ли будет употребить в работу и прочих военнопленных». Судя по адресату обращения, министры имели в виду, вероятно, тех пленных, которые согласились вступить в российско-германский легион, подчиненный как раз Военному министерству^{xliiv}. Однако, как следует из отношения управляющего Военным министерством князя А. И. Горчакова к Вязмитинову, направленного в начале 1813 г., ситуация развивалась совсем не так, как предполагал Комитет министров. Присланных из Ревеля в Нарву пленных, не пожелавших вступить в легион, «за худобой одежды и неимением почти обуви» использовать на работах не представлялось возможным. Поэтому Горчаков предписал Инженерному департаменту отпустить деньги, с тем чтобы комендант купил им хотя бы недорогую крестьянскую одежду. Однако приобрести одежду и обувь в Нарве оказалось невозможным. Между тем наступила зима и работы прекратились. Горчаков, рассудив, что с увеличением количества пленных, проблемы с их обмундированием (тем более по зимнему варианту) только увеличатся, а издержки на это не будут соответствовать предполагаемой пользе от их работ (даже если эксплуатировать пленных не взирая на стужу), предложил не тратить на бывших солдат Наполеона дополнительных денег и «оставить на содержании для пленных положенном». Интерес к пленным как рабочей силе у Горчакова остыл еще и потому, что с изменением обстановки на театре военных действий продолжение работ в Нарве он считал неактуальным, а перевод пленников в другие крепости зимой «неудобным». Похоже, что управляющий Военным министерством и не подозревал о циркулярном предписании Вязмитинова от 19 ноября 1812 г., согласно которому снабжать пленных зимней одеждой полагалось в любом случае. Весьма странно в этом случае выглядит решение Комитета министров от 4 февраля

1813 г. (на котором стоит и подпись самого Вязмитинова), согласившегося с предложением Горчакова не использовать пленных на нарвских работах и, «не делая для сего на зимнюю одежду издержек, оставить [их] на том одном содержании, какое для военнопленных определено»^{xlv}.

Вопрос об использовании пленных в качестве рабочей силы для строительства Бобруйской крепости и Борисовских укреплений имел свою предысторию. Императорским указом на имя Горчакова от 8 января 1813 г. на строительство Бобруйской крепости было предписано нарядить из Минской, Могилевской и Волынской губерний с 15 апреля по 15 октября по 500 человек пеших рабочих и 40 пароконных подвод с погонщиками. Для возобновления же Борисовских укреплений из Минской, Витебской и Могилевской губерний нужно было назначить с 15 января по 100 пароконных подвод, а с 1 апреля по 500 пеших рабочих^{xlvi}.

А в начале апреля Горчаков передал Вязмитинову высочайшее повеление о назначении в Динабург на крепостные работы вместо обывателей Курляндской, Лифляндской, Виленской и Витебской губерний 2500 пленных из Витебской губернии. Впрочем, обыватели указанных губерний должны были поставить еще и по 75 пароконных подвод, с тем, однако, условием, что эту повинность можно было заплатить деньгами, на которые власти могли бы нанять «вольные» подводы. Получив отношение Горчакова, Вязмитинов 8 апреля сделал соответствующие предписания губернаторам^{xlvii}.

Пункт 6 высочайшего повеления особо оговаривал, что «военнопленные для работ в Бобруйске и Борисове не назначаются в том предположении, что сделан уже в оные места наряд обывателей, следовательно кончены и раскладки между ними денежные, которые сею новою отменю не сделают облегчения в налоге, на крестьян наложенном»^{xlviii}.

Комментируя высочайшее повеление в своем отношении к Вязмитинову, Горчаков, однако, считал возможным предложить губернаторам вместо обывателей посылать на работы пленных, при условии внесения на их содержание денег в соответствии с нормами, определенными Комитетом министров (т. е. по 20 руб. одновременно за пешего работника и по 2 руб. в день за подводу из расчета 24 рабочих дня в месяц). В случае согласия обывателей на эту схему, деньги следовало доставлять к смотрителям укреплений вперед, а назначаемые в их распоряжение пленные должны быть «здоровыми и надежными к работам»^{xlix}.

Примерно в одно время с Горчаковым рапорт Вязмитинову по поводу организации крепостных работ направил и минский военный губернатор генерал-майор Г.А. Игнатъев, которому стали известны два высочайших повеления: первое, объявленное ему министром юстиции, об отправлении всех пленных во внутренние губернии, и второе, данное Горчакову, об употреблении пленных на крепостные работы. Вероятно, это и был указ об использовании пленных в Динабурге. Игнатъев также быстро сориентировался в ситуации и выступил с инициативой о распространении последнего высочайшего повеления на пленных, пребывающих в Минской губернии¹. Приводя аргументы в пользу привлечения пленных к работам, Игнатъев сообщил, что, поскольку вместо денежной раскладки по Минской губернии, несмотря на указ, предписано было всем поветам высылать людей и лошадей на работы в Бобруйск и Борисов «в натуре» и с достаточным продовольствием, использование пленных существенно облегчило бы жителей губернии, «столь много от нашествия и долговременного пребывания неприятелей потерпевших». Дополнительные опасения у Игнатьева вызывал и предстоящий рекрутский набор, при известии о котором, как он предполагал, крестьяне разбегутся с работ по лесам, как это произошло в Бобруйске в 1812 г. Кроме того, привлечение к строительным работам, как считал Игнатъев, улучшило бы положение и самих пленных, которые получали бы сверх назначенного им содержания еще по 15 коп. в сутки и наслаждались бы «большою удобностию жизни»^{li}.

Донесение Игнатьева и отношение Горчакова побудили Вязмитинова внести вопрос об использовании пленных на работах в Бобруйске и Борисове на обсуждение Комитета министров 2 мая 1813 г. Сам главнокомандующий в Петербурге, несмотря на всю рациональность предложений управляющего Военным министерством и минского военного губернатора, принять их не решался, во-первых, потому, что они противоречили императорской воле, а во-вторых, потому что Министерство полиции не знало, сколько пленных находится в Минской и прилегающих к ней губерниях, особенно с учетом того, что некоторые категории пленных уже возвращались на родину, часть направлялась в другие

места, а австрийцев употреблять на работы воспрещалось^{lii}. В итоге Комитет решил, в случае наличия в Минске и ближайших к нему местах достаточного количества пленных, привлечь их на работы в Бобруйске и Борисове вместо обывателей. При укреплении должны были остаться лишь присланные подводки с подводчиками, поскольку заменить их пленными было невозможно. Однако даже при отсутствии «полного количества» пленных «противу числа наряженных обывателей», последних все равно позволялось отпускать на время полевых работ с тем, чтобы помещики или управляющие обязались подписками после сева вновь вернуть их в Бобруйск и Борисов. Впрочем, отпуская обывателей, военные власти должны были следить, чтобы работы по устройству укреплений не остановились. Особым пунктом Комитет министров прописал, чтобы содержание пленным, используемым на работах в Бобруйске и Борисове, производилось такое же, как и в Динабурге. Такое решение было мотивировано тем, что губернии, из которых должны были прибыть рабочие в Бобруйск и Борисов, разорены войной, что близится время полевых работ и что денежная раскладка на обывателей Минской губернии, несмотря на указ, так и не была выполнена. Отправляя журнал на утверждение царя, министры специально подчеркнули, что сознательно пошли на возможное замедление работ в случае недостатка пленных, предпочитая «сохранение обывателей от разорения поспешности в работах»^{liii}. Этому, конечно, способствовали и военные обстоятельства, и настоятельная необходимость возрождения экономики западных губерний, имеющих стратегическое значение.

Однако в ходе реализации решения Комитета министров властям пришлось столкнуться с рядом проблем. Так, 8 июля 1813 г. Игнатъев донес Горчакову, что из-за дороговизны продуктов в Бобруйске «для подкрепления высылаемых в крепостные работы военнопленных из получаемых ими по 10 коп. в день заработанных денег нет возможности производить нужной мясной и винной порции». Считая недостаточными не только помянутые заработанные деньги, но и положенные пленным на содержание на шесть летних месяцев по 20 руб. на каждого, Игнатъев предлагал сверх 10 коп. в сутки, определенных Инженерным департаментом на покупку мяса, вина и соли, производить работающим пленным три раза в неделю по полуфунту сухой рыбы, «которая от неупотребления подвержена порче», и по чарке вина (из припасов, заготовленных на случай осады), а кроме того добавить на одежду пленным по 5 руб. на человека^{liv}.

В ответе Игнатъеву от 24 июля Горчаков указал, что принятые нормы снабжения пленных на крепостных работах (по 10 коп. в день, т.е.

столько, сколько и солдатам, употребляемым на работы, и сверх того на провиант и на обувь по 20 руб. на каждого) установлены согласно положению Комитета министров. Впрочем, управляющий Военным министерством разрешил выдавать пленным два раза в неделю по полуфунту рыбы (чтобы она все-таки не пропала) и по чарке вина, но в счет получаемых ими по 10 коп. в день. Прибавить на одежду по 5 руб. Горчаков тоже отказался, тем более что работ в крепости оставалось на три месяца^{lv}. В июле 1813 г. Артиллерийский департамент также сообщал управляющему Военным министерством о донесении Игнатъева, который по недостатку войск в Бобруйской крепости для приготовления на пять дивизий патронов и снарядов приказал отрядить на эти работы 200 человек военнопленных австрийцев и венгров. Игнатъев предписал выплачивать этим пленным по 15 коп. в день на человека и сверх того отпускать им винную и мясную порцию наравне с российскими солдатами три раза в неделю. Военный губернатор объяснял принятое решение тем, что при найме вольных людей расходы были бы гораздо больше^{lvi}. Отвечая Игнатъеву, 9 августа Горчаков писал, ссылаясь на свой ответ ему от 24 июля: получается, что пленные, которые готовят патроны и снаряды имеют преимущество перед находящимися при крепостных работах, которые несравненно тяжелее. В связи с этим Горчаков предписал всем пленным платить только по 10 коп.^{lvii}

Анализ практики использования труда пленных на крепостных работах показывает, что гуманитарный аспект здесь столкнулся с фискальным и выбор был сделан властями в пользу последнего. Формально пленные были приравнены к солдатам (это соответствует общим принципам законодательства). Но фактически их положение оказывалось неравным. Во-первых, сказывалась дороговизна в западных районах империи, а во вторых пленные были лишены возможности улучшить свое материальное положение различными «хозяйственными способами», как это могли делать российские нижние чины.

Об использовании пленных на работах в Динабурге весной-осенью 1813 г. рассказал в

своих воспоминаниях каптенармус 4-го вестфальского полка линейной пехоты Й.Г. Хаарс. По его словам, в Динабург для работ по восстановлению разрушенных крепостных верков со всей Белоруссии были собраны примерно 4000 пленных. Унтер-офицеры к работам не привлекались - на них возлагался надзор за рядовыми. Каждый работающий получал по два фунта муки и по 12 коп. - этого было достаточно, чтобы «жить как людям». Пленные были размещены в лагерях на берегу Двины и ютились в палатках под охраной русских ополченцев. Особенно тягостными были для пленных холодные ночи и северный ветер, дувший с Двины. Лишь к осени некоторые пленные вместо палаток, объединившись в группы, сделали для себя полуземлянки, покрытые сухой травой, причем Хаарс обзавелся даже печкой. Впрочем, Хаарс, оказавшись в Динабурге, довольно быстро улучшил свое положение. Он добился расположения русских офицеров и, особенно, двух инженеров-немцев, которые и рекомендовали его на должность надзирателя за командой пленных, которую комендант крепости приказал создать из тех, кто владел различными ремесленными специальностями (плотников, каменщиков, слесарей). Хаарсу был поручен отбор кандидатов в эту группу и составление подробных списков. Пленным, согласившимся работать по специальности, предполагалось ежедневно выплачивать по 25 коп. и переместить их в специальный лагерь на противоположной стороне Двины. Впрочем, не все пленные были рады подобному предложению. Французы и итальянцы отказывались работать на русских, заявляя, что только негодяи идут к ним на службу, и Хаарсу нередко приходилось спасаться от их гнева бегством. Зато около 40 немцев согласились на предложение русских властей, получили обещанные комендантом преимущества по сравнению с товарищами, занятыми на земляных работах, и в их лагере даже не было охраны. После этого число желающих записаться в команду ремесленников возросло, она увеличилась до 400 человек, а сам Хаарс он стал значительной персоной в глазах не только пленных, но «даже грубых русских ополченцев». Хаарс был достаточно лоялен в подборе подчиненных - для того чтобы попасть к нему в команду, совсем не обязательно было владеть каким-то ремеслом, достаточно было просто прилежно работать. Вскоре Хаарс вступил в сговор с российским «кондукторами», которые за стакан горячего вина позволяли ему завышать в бумагах число ремесленников и присваивать таким образом казенные средства. Эти операции позволили Хаарсу «заработать» 200 руб. С наступлением холодов работы были прекращены, а большинство пленных отправили во внутренние губернии. В Динабурге осталось лишь 200 лучших ремесленников, а сам Хаарс, у которого из-за ненастной погоды открылась старая рана, получил разрешение провести зиму в одном из католических монастырей^{lviii}.

Были заняты пленные и на работах в Риге. В частности, их с выгодой использовали при починке ружей. Смотритель рижского военного госпиталя Тихонов доносил 21 апреля в Комиссариатский департамент, что по предписанию кригс-комиссара Татищева велено починить всю амуницию и «ружейные вещи» поступавших больных и раненых. Однако за починку ружья местные мастера спрашивали по 4 руб. А с учетом того, что ремонт был разный, Тихонов не смел отдавать ружья в ремонт по такой цене без санкции начальства. А между тем нашлись мастера из военнопленных французов, которые уже успели отремонтировать 200 ружей и продолжали работать. Однако этим пленным от рижского провиантского депо дается лишь провиант и по 5 коп., в то время как прочим пленным, занятым на работах «в инженерной команде», кроме этого дополнительно платили по 10 коп. в день. Тихонов просил прибавлять по 10 коп. и тем пленным, которые чинили ружья^{lix}. Дело было доложено Горчакову, тот согласился, и 10 июля Комиссариатский департамент сообщил об этом смотрителю госпиталя^{lx}. В тот же день соответствующее предписание, на случай подобного использования пленных при госпиталях, было направлено и всем комиссариатским комиссиям^{lxi}. Однако существовала ли такая практика еще где-то, кроме Риги, неизвестно. Лишь комиссия киевского комиссариатского депо 28 июля сообщила, что в Киеве пленных, способных к починке ружей не имеется^{lxii}.

Была предпринята попытка и использования пленных на строительстве дорог. Инициатором выступил в 1812 г. служивший по ведомству путей сообщения инженер-генерал Ф. П. Деволлан, замещавший периодически главного директора путей сообщения принца Г. П. Ольденбургского, а после его смерти в декабре 1812 г. руководивший ведомством. Деволлан предложил придать пленным военное устройство, разделив их на роты по 100-200 человек и назначив в каждую из них по 10 русских солдат, двух унтер-офицеров и одного чиновника ведомства путей сообщения. Роты следовало распределить вдоль строящихся

дорог с таким расчетом, чтобы на каждые 100 верст приходилось по 1000 рабочих. На содержание пленных он предлагал отпускать по 30 коп. в день. В первую очередь Деволлан предлагал использовать пленных на строительстве дороги между столицами, потом на дороге от Петербурга до Рыбинска и затем на Архангельском, Финляндском, Нарвском и Белорусском трактах. На первом этапе предполагалось привлечь к работам 12 000 пленных и 1560 солдат и чиновников для надзора. Расход на эти мероприятия предполагался в сумме 2,5 млн руб.^{lxiii} Ольденбургский одобрил идею Деволлана и даже вошел с докладом о назначении пленных на дорожные работы к императору Александру^{lxiv}. Реакция царя нам неизвестна, но как бы то ни было в 1812 г. проект реализовать не удалось.

18 августа 1813 г. Деволлан вновь направил отношение Вязмитинову, в котором просил, если пленных нижних чинов можно употреблять на работы, предписать новгородскому, псковскому, тверскому губернаторам отпускать их по назначению начальника 1-го округа путей сообщения генерал-майора Сабира для работ как по дорожной части, так и по исправлению «водяных зданий». Правящий должность главного директора путей сообщения также просил предписать губернаторам, чтобы земские полиции отводили для таких пленных удобные квартиры в ближайших селениях. Кроме того, Деволлан обещал выплачивать бывшим солдатам Наполеона в дополнение к обычному содержанию пленных из сумм своего ведомства уже по 50 коп. за каждый рабочий день^{lxv}. Вместо ответа Деволлану Вязмитинов напрямую обратился к Сабиру, заметив, что в связи с наступившими холодами привлечь к работам пленных в 1813 г. уже не удастся и, видимо, просил представить детальную программу работ. Очевидно, Вязмитинова заставили обратиться к Сабиру через голову его начальника длительные служебные командировки Деволлана. Но начальник 1-го округа путей сообщения довел содержание этой переписки до главы своего ведомства, и 27 октября 1813 г. Деволлан вновь обратился к главнокомандующему в Петербурге, теперь уже с более детальными предложениями. Он согласился с мнением Вязмитинова относительно невозможности привлечения пленных к работам до весны, тем более что «насчет производства работ не предприняты еще окончательные меры». Деволлан предлагал сконцентрировать пленных 1) на двух главных пунктах по Большой московской дороге, «требующих важнейших исправлений» - между Новгородом и Крестцами и между Чудово и Тосно; 2) по Белорусскому тракту в г. Луге и от него до границ Псковской губернии; 3) по Нарвскому тракту в Ямбурге. Руководитель ведомства путей сообщения подтвердил также намерение назначить пленным дополнительное содержание по 50 коп. в день, сочтя, что такая сумма привлечет маркитантов и позволит обеспечить бывших солдат Великой армии хорошим питанием, отчасти и из казенных запасов. Особо Деволлан оговорил, что одежда пленных должна «производиться из зарабатываемых ими денег» либо за счет других министерств (военного или полиции). Принимать пленных на свою ответственность Деволлан не желал - следить за ними, по его мнению, должны были земские полиции^{lxvi}.

К сожалению, ни в августовском, ни в октябрьском отношениях количества пленных, на которых он рассчитывал, руководитель ведомства путей сообщения не назвал. Можно предполагать, что речь шла об уже упоминавшихся в 1812 г. 12 тыс. или сопоставимом числе. Позиция Деволлана встретила ряд возражений Вязмитинова. Содержание отношений главы ведомства путей сообщения и свою последующую переписку с ним главнокомандующий в Петербурге изложил в двух записках, представленных им в Комитет министров. Управляющий Министерством полиции, обратившись к Деволлану, во-первых, отметил, что пленные размещены в отдаленных губерниях и транспортировка их к указанным местам работ связана со значительными издержками. В связи с этим он предложил отправлять к работам пленных из числа вновь прибывающих. Во-вторых, Вязмитинов считал, что наблюдение за пленными должны взять на себя чиновники дорожного ведомства, поскольку сконцентрированные на крупных магистралях бывшие солдаты Наполеона «могут посягнуть на нарушение общего благоустройства и безопасности, если смотрение за ними не будет самое строгое и бдительное», которого губернские и уездные власти гарантировать со своей стороны не брались.

Деволлан в ответном отношении к Вязмитинову сообщил, что его ведомство основывает свою просьбу на «предшествовавших примерах» и на упоминавшемся докладе Ольденбургского императору. В использовании пленных глава ведомства путей сообщения видел средство преодолеть возникшие из-за войны трудности с поиском рабочих рук и финансированием ремонта дорог, которое сократилось вдвое. Вместе с тем он считал, что для

надзора за пленными нужен хотя бы небольшой отряд внутренней стражи при двух офицерах, поскольку на пункты, где предполагалось использовать труд пленных, по причине малочисленности имеющихся в его распоряжении команд он может откомандировать не более 100 нижних чинов. Причем они в первую очередь должны присматривать за работами и в надзоре за пленными могут выполнять лишь вспомогательные функции.

Рассмотрев записки Вязмитинова, Комитет министров 3 января 1814 г. (когда уже дело шло к миру и вопрос был неактуальным) признал неудобным возложить функции надзора за пленными на работах на земские полиции и решил выяснить, может ли выделить команды для этой цели Военное министерство^{lxvii}. В соответствии с решением Комитета министров Вязмитинов 5 февраля 1814 г. направил запрос Горчакову^{lxviii}. В ответ управляющий Военным министерством 14 февраля сообщил, что команды внутренней стражи для охраны пленных на работах откомандировать невозможно, поскольку они заняты приемом и препровождением выздоравливающих рекрутов, а также строевых лошадей^{lxix}. Таким образом, попытка привлечь пленных к дорожному строительству потерпела неудачу, причем в первую очередь по причинам неэффективных и несогласованных действий различных ведомств.

Решение Комитета финансов и основанное на нем циркулярное предписание Вязмитинова открывали дорогу для принудительного использования труда военнопленных на различных неквалифицированных общественных работах по инициативе руководителей губерний. Тем не менее вопрос об организации подобных работ рассматривался в ряде случаев на уровне Комитета министров.

Сложная ситуация с рабочей силой сложилась в 1813 г. на юге России. Херсонский военный губернатор дук Э.О. Ришелье в донесении Вязмитинову сообщал, что хотя эпидемия «заразительной болезни» (это была чума) почти прекратилась, по-прежнему необходимы меры, «предохраняющие как от внешних, так и от внутренних жителей». Это, в свою очередь, затрудняло трудовую миграцию в Херсонскую губернию. Положение грозило усугубиться еще и тем, что, по мнению начальства, все мастеровые обратятся на заработки в Москву, где они если и не будут получать «выгоднейшую плату», то по крайней мере будут находиться недалеко от своих семейств. Таким образом, «край между Буга и Днестра, а с ним вместе и Крымский полуостров весьма будут нуждаться в рабочих, а скот потерпит впоследствии от недостатка заготовленного для него сена».

Для решения проблемы Ришелье предлагал, основываясь на положении Комитета министров, «иметь в Херсоне и Крыму по 1500 пленных разных наций», которые, восполнив дефицит трудовых ресурсов, помогут краю и «не будут отягчать своим продовольствием казну». Среди этих пленных Ришелье не желал видеть лишь французов, «кои могут покушаться на побеги морем или в турецкие пределы». Комитет министров на заседании 20 июня 1813 г. удовлетворил требования херсонского военного губернатора относительно использования для работ «находящихся в тамошней губернии пленных», однако оговорку относительно недопущения туда французов отверг, впрочем, предписав, «чтобы местное начальство имело за ними строгое наблюдение»^{lxx}.

Весной 1813 г. вятский гражданский губернатор донес Вязмитинову, что французские военнопленные во вверенной ему губернии «обращаются в лени, пьянстве, а чрез сие в буйстве и подобных преступлениях». Опасаясь, «чтобы пороки сии и действующий в них свободный дух французский не довели их до дальнейшего предположения противу порядка и необузданности», губернатор испрашивал дозволения употребить за плату на городские работы тех из пленных, кого не взяли на предприятия «за неимением охотников» из числа работодателей или кто не пожелал сам поступить на заводы. Таким образом, те, кто пришел в Россию под знаменами Наполеона, должны были, по мысли губернатора, за счет городского общества заниматься исправлением площади, срытием старого вала и т. п. Таким образом, как считал он, «и город поправится», и «праздные люди сии занятием будут удержаны от свободных французских привычек». Губернатора смущало лишь одно: «как поступать с штаб- и обер-офицерами, буде те окажутся грубы и дерзки». Причем, чтобы не концентрировать в губернском городе большого числа офицеров «сей просвещенной нации», которые «большей частью без всякого воспитания», губернатор планировал тех из них, кто будет прибывать из Вологодской губернии, размещать по уездным городам. Комитет министров, рассмотрев в своем заседании 20 мая 1813 г. этот вопрос, разрешил употребить французских пленных на городских работах, производя им «плату на содержание» из городских доходов. Об офицерах не было сказано ничего^{lxxi}.

Таким образом, в правительственной политике в отношении использования труда пленных четко выделяются две тенденции. Одна из них - привлечение на добровольной основе людей, обладающих специальными профессиональными навыками, в экономику России с целью придать ускорение ее развитию. Эти меры тесно смыкались с практикой привлечения иностранных колонистов и добровольно приехавших иностранцев и генетически восходят к ней. Решившись на них в значительной степени под влиянием соображений экономии, власть по мере улучшения военно-политической ситуации взглянула на проблему в более широком контексте экономического развития и попыталась закрепить сложившуюся практику, превратив пленных в подданных. К формированию этой политики на разных этапах были причастны как министры «экономического блока», так и маркиз Пауллуччи. Важной особенностью при этом было отсутствие единой государственной программы и предоставление реализации этой политики местным властям, опора на индивидуальную инициативу. Исключением тут является только активная политика подчиненного Министерству финансов Департамента горных и соляных дел. Впрочем, попытка Департамента привлечь пленных на казенные заводы потерпела неудачу. И основными причинами этого было непоследовательное соблюдение принципа добровольности в отношении пленных и несоблюдение предусмотренных законодательством мер по экономическому стимулированию их труда.

В целом же линия на использование добровольного труда пленных была скорее исключением в правительственной политике ХУШ-ХГХ вв. Преобладающей была другая тенденция - использование пленных в качестве грубой рабочей силы в принудительном порядке на государственных и общественных работах. Эта практика была традиционной для российского государства, применялась еще в годы Северной войны. Эта тенденция проявилась и в эпоху 1812 года. Однако возможность подобного использования пленных тогда тоже была предоставлена в первую очередь местным военным и гражданским властям. Общегосударственной программы использования пленных на крупных объектах общегосударственного уровня выработано не было. Это произошло позже, в ходе войны с Турцией 1828-1829 гг. Однако шаги в направлении формирования такой программы предпринимались и в 1812-1814 гг. Ряд ведомств в рамках своей компетенции предприняли попытки, частично увенчавшиеся успехом, применить в принудительном порядке труд пленных на ряде стратегических объектов. Попытки эти в целом потерпели неудачу, основной причиной которой была неповоротливость российской бюрократической машины.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Вопр. истории. 1974. №3. С. 129-136.

ⁱⁱ Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 515. Оп. 29. Д. 1030. Л. 1-2. Ф. 563. Оп. 2. Д. 1. Л. 35-35об.; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2660. Л. 21; Опубликовано по копии РГВИА, см.: *Шведов С.В.* Пленные Великой армии в России // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000. С. 69-70.

ⁱⁱⁱ *Бессонов В.А.* Потери Великой армии в Отечественной войне 1812 года (к вопросу определения численности военнопленных) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография / Тр. Гос. Ист. музея. Вып. 132. М., 2002. С. 181.

^{iv} Бумаги, относящиеся до войны 1812 г., собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 5. М., 1890. С. 67-68.

^v *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой половине XIX века. М.; Л., 1957. С. 296-297, 302-303.

^{vi} РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 1. Л. 35-35об.

^{vii} РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 46. Л. 191.

^{viii} *Бессонов В.А.* Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812-1814 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. IV / Тр. Гос. Ист. музея. Вып. 147. М., 2005. С. 58.

^{ix} *Шепелев Л.Е.* Аппарат власти в России: Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 222-227.

^x См. подр.: *Бессонов В.А.* Содержание военнопленных Великой армии в 1813-1814 гг. // Отечественная

-
- война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2000. С. 11-29; РГИА. Ф. 1286 Оп. 2. 1812 г. Д. 176. Л. 33-34.
- ^{xi} См. подр.: *Бессонов В.А.* Содержание военнопленных Великой армии... С. 11-29; РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 176. Л. 37.
- ^{xii} РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 241. Л. 1.
- ^{xiii} Там же. Л. 3об.-4.
- ^{xiv} Там же. Л. 1.
- ^{xv} Там же. Л. 1-2.
- ^{xvi} РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 241. Л. 6-8; Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. 212. Оп. 1. Д. 458. Л. 18-19.
- ^{xvii} РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 241. Л. 10.
- ^{xviii} Там же. Л. 10-11.
- ^{xix} Там же. Л. 12.
- ^{xx} ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 458. Л. 30.
- ^{xxi} Там же. Л. 31-32.
- ^{xxii} Там же. Л. 33.
- ^{xxiii} Там же. Л. 34.
- ^{xxiv} Там же. Л. 38об. - 39об.
- ^{xxv} Там же. Л. 40.
- ^{xxvi} Там же. Л. 41.
- ^{xxvii} Там же. Л. 36.
- ^{xxviii} Там же. Л. 42.
- ^{xxix} Там же. Л. 44, 47.
- ^{xxx} ПСЗ I. Т. XXXII. № 25415.
- ^{xxxi} *Бессонов В.А.* Законодательная база... С. 63
- ^{xxxii} ГАЯО. Ф. 73 Оп. 4. Д. 82. Л. 12.
- ^{xxxiii} *Бессонов В.А.* Законодательная база. С. 63-64; Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 4. Д. 82. Л. 92об.
- ^{xxxiv} *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи: Главы высш. и центр. учреждений, 1802-1917: Библиограф. справочник. СПб., 2001. С. 300.
- ^{xxxv} РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 46. Л. 192-193.
- ^{xxxvi} Там же. Л. 193-197.
- ^{xxxvii} Там же. Л. 198-201.
- ^{xxxviii} Там же. Л. 191.
- ^{xxxix} Там же. Л. 203-205.
- ^{xl} Там же. Л. 206-209.
- ^{xli} Там же. Л. 209.
- ^{xlii} *Бессонов В. А.* Законодательная база... С. 64.
- ^{xliiii} РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 29. Л. 30-31.
- ^{xliiv} Там же. Д. 31. Л. 130об-132.
- ^{xlv} Там же. Д. 39. Л. 16-20, 24.
- ^{xlvi} Там же. Д. 42. Л. 47-48.
- ^{xlvii} Там же. Л. 48об.-49.
- ^{xlviii} Там же. Л. 50-50об.
- ^{xlix} Там же. Л. 49об.-50.
- ^l Там же. Л. 47
- ^{li} Там же. Л. 50-52.
- ^{lii} Там же. Л. 52-53об.
- ^{liii} Там же. Л. 54-57.
- ^{liv} РГВИА. Ф. 1 Оп. 1. Д. 2993. Л. 4-5.
- ^{lv} Там же. Л. 5.
- ^{lvi} Там же. Л. 1.
- ^{lvii} Там же. Л. 8.
- ^{lviii} [*Haars J. G.*] Geschichte der bei dem französischen Feldzuge gegen Russland im Jahre 1813 überstandenen Gefahren und Gefangenschaft eines Braunschweigers. Braunschweig, 1818. S. 90-97.
- ^{lix} РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 307. Л. 1.

^{lx} Там же. Л. 2.

^{lxi} Там же. Л. 3.

^{lxii} Там же. Л. 4.

^{lxiii} *Григорьев В.А.* Исторический очерк участия ведомства путей сообщения в Отечественной войне // Журн. Минва путей сообщения. 1912. Кн. VIII. С. 28-29.

^{lxiv} РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 56. Л. 47.

^{lxv} РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3163. Л. 7.

^{lxvi} Там же. Л. 8.

^{lxvii} РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 56. Л. 46-49.

^{lxviii} РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3163. Л. 6.

^{lxix} Там же. Л. 10.

^{lxx} РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 43. Л. 297-297об.

^{lxxi} Там же. Д. 42. Л. 217-218.